

ОЛАЧ ВУЖНЕЗ

ВАСИЛИЙ КЛИМОВ

КОРЧИ БЫТИЯ

ДОМ, ПОДВОРЬЕ

оми-пермяцкого подворья в чистом виде нынешние поколения не знают, и каким оно было в доисторические времена, можно лишь нарисовать в своем воображении.

Еще до нашей эры в Прикамье стали появляться горты (селение) и кары (городище), внутри которых стояли избы-землянки, хлевушки и другие подсобные помещения. Уже тогда или чуть позже население стало заниматься хлебопашеством, скотоводством и кое-какими ремеслами, не забывало, естественно, и про рыболовство и охоту. Поэтому возле изб и в других местах были чом (тип амбаров), тшамья (кладовка в лесу), куя (шалаш) на реке. Возможно, в этот период и появилось слово «горт» (жилище, дом, родной уголок). Похоже, что оно произошло от слова «гор» (каменка, печь). Слово «горт» присутствует во многих географических названиях Прикамья.

Как и в любом деле, при устройстве подворья коми-пермяк обращался за содействием к богу Ену, старался привлечь на свою сторону духов природы закличками, заговорами, подарками и угощением. Суеверный житель той поры был убежден, что его жизнью управляет солнце, и луна, и небо, от которых можно получить милость и положительный заряд энергии через задабривание или поклонение им. А заклинаниями и другими ритуалами – обезопасить себя и дом от нечисти.

Каким образом коми-пермяк приспособливался к окружающей среде при устройстве подворья?

Выбор места под селение. Горты и кары обычно располагались на высоких местах или, как выражался язычник, «на груди Солнца», рядом с рекой или родником. Так расположены Кудымкар, Дойкар, Мечкор, Дзугыркар (Левинское городище), Курэгкар, Пешнигорт, Чинаргорт, Мэдгорт (Лупья), зюздинские Шудякор, Зуйкар, Чивулькар, чердынские Искор, Ре-

дикор, Вильгорт. Можно сказать, что посадить горт на теплое и светлое место – это означает: дать на присмотр Солнцу, которое было в глазах древних таким же могущественным, как сам Ен.

В первом тысячелетии нашей эры кары и горты были сравнительно небольшими, всего из двух-трех домов. В Шудякоре, например, было два жилища.

Примерно столько же жилых помещений, по данным археологических отчетов, имели древние городища Кудымкар, Аношкар (Оношкар).

Места под селения, наверное, выбирали камы-жрецы или памы-вожди, которые хорошо знали обычай увтыра и поверья предков. Но и они, более развитые и лучше чувствовавшие природу земли и космоса, не всегда находили счастливые места, о чем говорится в одной чердынской легенде:

«Жили два брата – Кам и Пыс. Кам был старше, так он выбрал места для поселения, и братья стали строиться. Пыс подумал: «Если нападет враг, так он разграбит мой дом» – и оградил постройку. Кам размышлял иначе: «Если нападет враг, так мой дом оградит Бог» – и дом свой не стал отораживать. Тут пришла югра (жители Зауралья. – Авт.), напала на Камгорт и разорила его, а Пыскор уцелел».

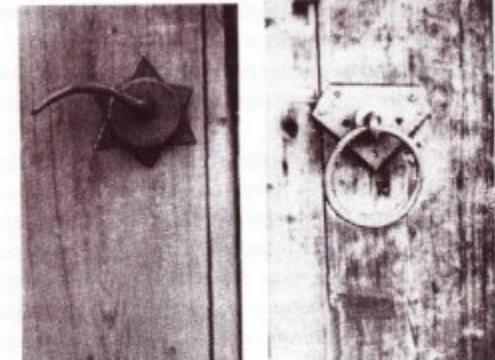
Вряд ли это было так, но известно, что на Чердынь нападали и сибирские татары во главе с царем Кучумом, и во-гульский князь Асыка.

Легендарный Кам пре-небреж советами младшего брата и обычаями общества и был наказан. Но можно сделать и другой вывод: на Бога надейся, но сам не пло-шай.

Чтобы оградить от нечи-стых сил свое жилище, языч-

13. Огородные «журавли»

14. Запоры-щеколды на воротах

В день «кудпыдэса» проверяют способности молодки и в других делах: как спиплет лучину, моет пол, треплет лен, прячет кудель или шерсть, носит воду.

На свадьбе в деревне Силино Кудымкарского района утро после пира прошло без киселей и другой стряпни, которой положено угощать пришедших соседей. Это было в 1956 году, когда в магазинах уже появились рожки и лапша, а в деревнях ячневая крупа и перловка все еще секлись и рушились-измельчались в ручных меленках да ступах, но свадьбы все равно игрались, пиво да хмельную брагу все же варили.

И вот на «кудпыдэс» зашли соседи. Отведали брагу, гутарят о том, о сем. Заходит мужик с соломой под мышкой, балагурит: «Молодка, говорят, перину не привезла, так я принес для постели». Сестра жениха сердится: «Перина у нее есть, ты не трясишь со своей соломой!» – «А сказали, что нету...» Мужик крутится, солому в руках перебирает и затем роняет на пол. Отведавшие сюромку женщины говорят: «Вот поплясать бы, да солома лаптям машает. Подмети-ка, молодая, пол!»

Молодые дали веник-голичок, она подметает, а женщины пляшут да сор разносят. Одна старуха схватила из-под веника пучок соломы и кинула на лавку, села на него и сидя пляшет... Разошлись так, что две золовки и свекор едва уняли соседок.

Этот случай еще раз подтверждает, что на «кудпыдэс» приходят все, кто пожелает, не имея приглашения, и их привечают, как гостей.

В этот день к новобрачным заходила и гэгиньбаб. Она дарила молодым хлебные зерна, которые в качестве семян могут дать зарядки новой жизни.

Свадьбой обычно руководит крестный жениха или дружка, но они чаще делают так, как посоветуют женщины, потому что те быстрее находят путь к сердцу человека, на подъем легче, у них речь гибче: могут и ребенка, и взрослого убаюкать. Смотришь на свадьбу со стороны и часто видишь, как мужчины вливают в себя брагу да пиво, а женщины поют, пляшут, играют и – плачут...

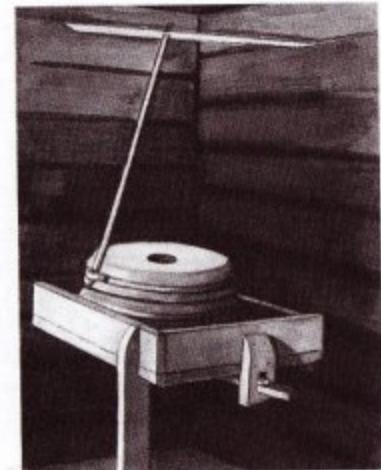
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ЖИВОТНОВОДСТВО

сознании крестьянина, в его помыслах, как показывает фольклор, главным являлось стремление к тому, как лучше устроить быт семьи, что настраивает и заставляет его заботиться о выращивании хлеба, овощей, о запасах кормов для скота и постоянно следить за плодородностью пашни, огорода, сенокосными угодьями. Все это требовало от работника много сил, определенных знаний и навыков. Кроме того, надо было соблюдать приметы, обычаи, обряды, от которых, как считали в старину, напрямую зависели урожайность, уборка и сохранение выращенного.

О новом урожае начинали заботиться сразу же после уборки льна, овощей, зерновых культур. При этом широко пользовались и поверьями. Так, на льяном участке оставляли пучок стеблей льна, на зерновом клине – горсть несжатого овса, на месте скирды, на верхушке колы – часть или весь сноп. Это – своеобразная благодарность полю, а еще – памятный узелок хлеборобу о том, что все выращенное – дело не только его рук.

То время ушло в небытие, а пришедшее на смену новое совершенно перестроило деревенскую жизнь и мировоззрение крестьянина. Если еще и жива обрядовая поззия, то она теперь представляет лишь культурно-истори-

27. Ручная мельница. Рисунок с натуры.
Гайнский район. 1948 г.

28. Кадка для приготовления кваса (браги)

если с кем-то поделится этой новостью, так она может потерять свою магию.

Готовясь к пахоте, крестьянин точил острие сохи белемнитовым камешком для того, чтобы соха меньше изнашивалась и резала легко и ровно.

Мужик одевался некрасиво, красноречием не обладал, но мыслил трезво, не торопясь с решениями. И в своих поступках старался не глупить. Работает и думает, как обеспечить всем необходимым семью, держать в порядке хозяйство, получить больше хлеба. Трудясь, смекает о предстоящей жизни, которая ширится и осложняется жизнью подрастающих сыновей и дочерей, появлением снох и зятьев, новых домов, деревень. А фундаментом этой деревенской основы являются пашня, плуг, хлеб, с чем чаще всего был связан обряд. В нем наши предки находили таинственные вспомогательные силы, нужную ориентацию в деле и уверенность в своих действиях. Стали одолевать сорняки — мужик устраивает обряд, чтобы вывести их: выдергивает с поля осот или жаброй-пикульник с корнями, прижмет к груди, словно ребенка, и, ласково сюсюкая, выносит с пашни, садит на середине голой дороги, заговаривая: «Не сердись, сердешный, мы тебе нашли лучший дом и переселили тебя туда. Ты теперь позови к себе весь свой род, всех знакомых, пусть на нашем поле никто не остается. Как ты будешь жить — красоваться здесь, так и все твои родные и знакомые пусть покрасуются».

Поступали и по-другому: собирали с краев поля корни сорняков, сушили их и сжигали на середине поля, сопровождая свои действия нужным заговором.

При посеве льна хозяева заставляли ребят бегать по участку и прыгать как можно выше, что соответствовало ожидаемой высоте льна. А еще — все стебельки будут стоять и будут здоровыми, как ребята, волокно станет длин-

ческий памятник: старые люди кое-что еще знают и рассказывают, но уже не практикуют. Разве что какая-нибудь шутница-бабулька при посадке капусты «обозначит» попой место на грядке, говоря: «Вырасти, кочан, вот такой ширины!» А ведь в старину подобный этому ритуал считался важным и нужным фактором, дающим подспорье хозяйству. Если замечали, что благодаря какому-либо мероприятию исчезали сорняки, так хлебороб этот прием, как положительный опыт, причислял в помощники и даже стал утавивать от других, думая, что

ным и прочным, а семена жирными и живучими. Вырастет хороший лен — появится новая одежда, веревка и полог, льяное масло, скотине — куглина, жмы.

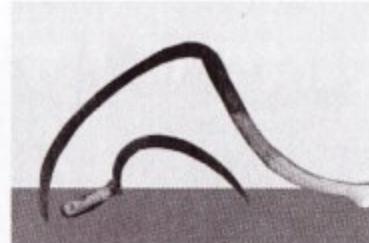
Крестьяне умели заговаривать растения на хорошее зацветание и образование завязей. Этот ритуал проводился перед цветением гороха, вики и, возможно, черемухи.

По завершении сева ржи сеяльщик клал лукошко на землю и просил: «Матушка-ржь, вырасти мне по грудь. Колос — с четверть, зерно — толщиной в палец. Горсть бросил, пуд соберу». (Последняя фраза повторялась трижды.)

В период созревания хлебов мужик не раз посещал поле и задабривал Лунишэриху и Чомора, прося их последить за посевами. И примечал, как высоко летают над полями трясогузка или жаворонок: если низко — ячмень едва над землей поднимется, горох рано ляжет. А чтобы не случилось этого, и птицам надо поклониться. Угостит «дозорных» и детишкам прикажет: «Возле полей не горланить, не свистеть, пусть посевы в тишине растут». Причина этого поверья раскрывалась так: шум, особенно свист, мог вызвать бога Ойпеля, который приносит холодный ветер и заморозки. Остерегались брать неспелые ягоды во избежание медленного поспевания хлебов.

Еще в недалеком прошлом совершался обряд, который назывался «первый сноп». Он похож на обряд «зажинки» русских земледельцев, но имеет существенные отличия. Он начинается с угощения полевых духов, затем хозяин поля срезает горсть стеблей ржи, делает перевязло (вязку) и кладет на землю, на него жнецы кладут первые горсти срезанных серпом стеблей, и хозяин связывает первый сноп. Его ставили на межу, вечером увозили домой, сушили, обмолачивали. Мололи на ручной мельнице, из полученной муки пекли шаньги или чепаны (караван) — совершали другой обряд — «новый хлеб». Чепан делали большущий — на лопате не помещался. Его пекли на середине печного пода, а вокруг него — колобки. Ими угождали скотину: они, хоть и не напрямую, но все же помогали вырастить хлеб — давали навоз, пахали. Очевидно, угождали шаньгами из нового урожая пашню и солнце, а в его лице — природу.

Даже в колхозное время из муки нового урожая большой каравай пекли в деревне Чикулово Кудымкарского района, но с какой целью, уже не знали: «Бабушки такие пекли, и мы так делаем».

29. «Заготовители» хлеба и сена — серп и кося-горбуша

ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО, СБОР ДАРОВ ПРИРОДЫ

ервобытный человек заботился не только о том, как добыть пищу и защититься от более сильных существ. Так поступает животное, подчиняясь инстинктам сохранения самого себя, вида, рода. Но если человек днем и ночью думал о пище и о своих врагах, значит, он «шевелил» не только руками и ногами, но и мозгами: как бы раньше других найти грибы, ягоды, съедобные корни, поесть самому и накормить ребенка. При этом появились понятия «хорошо», «плохо». Грибов-синявок много, но они хуже, чем белые; лягушку поймать легче, но она мала и ее мясо горчит; тетеревиное мясо вкуснее, да добыть его трудно... И стал соображать, как завладеть дичью быстрее и проще...

Путем исканий и опытов у первобытного человека выработались более действенные приемы и слова, обладающие таинственной способностью оказывать воздействие на предмет охоты, ловли, поиска, а также на соперника, врага, конкурента.

Древний коми-пермяк был сыт от леса, реки, болота. Он почитал их, берегал и остерегался их сам, придумывая заклинания и обряды, которые частично вошли в быт современных охотников, рыболовов, сборщиков грибов и ягод.

Охота – хлопотливое и опасное дело. Чтобы добыть лося или оленя, надо хорошо подготовиться. И, прежде всего, возможно, следует обратиться не к Ену, не к хозяину леса, под присмотром которого находятся зверь и птица, а к намеченной жертве, потому что древний человек животных считал старшими братьями, а иногда – родоначальниками. Надо было убедить зверя, что он, охотник, иначе не может, что так велит Небо, под крышей которого существует все живое, так велит Ен.

Есть коми-пермяцкая поговорка: «Не в лесу родились, не пию поклонялись». Это не о древних, а о современных коми. Древние, родившиеся в лесу, выходит, молились не только деревьям, но и пиям.

Дерево – хорошая опора человеку, везде и во всем, даже для души.

Предания говорят о священных деревьях, у которых спрашивали поминки по умершим, устраивали церемонии с целью узнать судьбу намечаемого дела. Легендарный Кудым-Ош перед походом в дальние края стрелял из лука в сосну, загадывая: попадет в мету – к удаче, не попадет – доброго пути не будет. Значит, с походом надо подождать.

Языческие охотники верили многочисленным поверьям и приметам, прибегали к обрядам, которые, по их мнению, предостерегали от неудач и вселяли уверенность в успешную охоту. Ставя ловушку на зайца, охотник натирал ее пихтовой лапкой, затем «наставлял» ее, как следует поймать и удерживать пойманного зверька. Поставит ловушку на заячью тропу, привяжет к дереву и обратится к зайцу: «Мягкошерстный, солнцеглазый, не сворачивай с тропки, не ходи назад, не прыгай поверху, иди прямо в свою дыру, в мой чом (клеть, кладовка). – Аёт.».

Уходя надолго в тайгу, охотник «договаривался» не только с Еном, потому что на его пути были пармы и низины, болота и реки, озера и овраги, а в них – свои хозяева. Входя в лес, он никак не мог обойти лесного хозяина,

35. Охотники в полном снаряжении. 1910-е гг.

обращался к нему: «Слушай меня, Большой: я тебе – табак, ты мне – белок. Я тебе – грибной пирог, ты мне – зайцев и птицу».

Скажет так, завернет цигарку и положит на пень – кури, мол, душу не мори, табачник! Иной и пирога не жалел. Говорят, добродушный кочевский мужик, отправляясь на долгое лесование, лесного царя угощал самой сладкой пострыпушкой, замешанной на масле и меде, – тулом.

Заговаривали ловушки (силки, слопцы, западни, капканы, сети), лук и стрелы, ножи и рогатины, лыжи и лесные кладовушки. У одного охотника из деревни Пятигоры Гайнского района была заговоренная нарта, которая никогда не возвращалась домой порожней.

П. Д. Харин, житель поселка Гайны, рассказывал, что его прадед охотился луком «со стрелками», которые были также заговоренными. Стрелами охотник сбивал птицу, белку, куницу. Охотился с напарником: один бьет, другой подбирает. Если стрелок промахнется, напарник следит, куда упадет стрела.

П. Д. Харин от прадеда же слыхал, как надо «брать» медведя. Найдут спящего мишку, но про это никому не говорят, чтобы слух не дошел до «самого», и не разладилась охота.

В тот же день, когда обнаружилась берлога, варят репную кашу и «уготают» ею зверя, поставив блюдо во дворе: «Кушай, не голодуй!» Если зверь «поест» – идут на него, если нет, охота откладывается.

Обширный, с разными ритуалами обряд, видимо, совершался охотниками в урочище Вадорку, что в Гайнском районе. Там собирались дважды в год: осенью, перед началом зимней охоты, и весной, до охоты на плавающую дичь (раньше уток, гусей, лебедей ловили сетями, так как, меняя оперение, они не могли летать). Такие сходки-праздники проводили и другие финно-угорские народы, в том числе русские Севера. Они испокон веков жили по соседству, заимствуя друг у друга нужное и ненужное. Не зря же говорится: за добрым гоняется и худое, а еще: за доброе надо платить, а худое дается бесплатно.

У северных коми-пермяков охота была более развита, чем у южных, поэтому у северян лучше сохранились охотничьи байки и обряды. Еще в 30-е годы XX века в таких деревнях, как Тимшор Гайнского района, добыча зверя и птицы была приоритетным делом. А в селах Чураки и Пуксиб Косинского района и по сей день рассказывают, как много «крылатого мяса» было у самых крылечек домов: куда бы ни ступил, то куропатка, то тетерев, то глухарь вспархивает. Пельмени ели только из мяса рябчика. Затопит хозяйка печь, скажет: «Сходи-ка, сынок, по мясо». Парень выйдет на крыльцо, барабанит, не целясь, из ружья – два рябчика и глухарь на землю падают.

У тамошних охотников, говорят, до самой коллективизации были собственные охотничьи участки и тропы, лесные кладовушки на деревьях (тшамья), места токовищ. Охотник, думая об удаче, задабривал и токовище, и тропу-чомкост – промежуток между двумя чомами-тшамьями.

Живя в окружении леса, человек не мог не любить его, дающего много добра, но не мог назвать его благодетелем: было много непонятного и даже страшного, благодаря чему и рождались всякие были и небылицы, заполняя пробелы духовной культуры общества.

Грибники об урожае грибов начинали заботиться еще тогда, когда на земле лежал глубокий снег. Но эта бывшая языческая забота в последние века переплеталась с обрядами православной религии. Так, утром в Великий четверг идут в лес «по грибы». Ходят между деревьями, собирают шишки, ломают сосновые лапки и шепчут про себя: «Здесь есть, там есть, и везде есть. Здесь – масленок да рыжик, там – грузь. Сегодня есть и до осени будет. Столько-постолько и престолько! Аминь!». А какая-нибудь древняя старушка, которой уже не суждено по рощам бродить, выходит за ограду, говоря: «Пойду-ка, ужо грибы пособираю», – и набирает в передник щепки.

В этот же день «собирают» ягоды, пестики, «венники ломают» – кому что нужно. Верили, что обряды и заклинания Великого четверга имеют самое большое воздействие на то, о чем хлопочешь.

Но вот и наступила грибная пора, и любитель «тихой охоты» пошел в лес. Вот и первый гриб перед ним, срезал его – и в лукошко. При этом приговаривает: «Тырдоз, тырдоз!» (Полная наберушка!).

Гайнский грибник еще на опушке леса начинал разговаривать-сюсюкать с грибами (подстрочный перевод):

Лёлё * ты, Лёлё,
Куда же ты ходил?
Батюшку-матушку подслушивай,
Рожки да ушки показывай.

Эти простенькие, не совсем понятные современному человеку слова, в течение многих веков вдохновляли грибника и ягодника. Но почему он обращался не к грибам или ягодам, а к червячу? Что за такая загадка?

Вероятно, это объясняется следующим: у древнего собирателя лесных и луговых даров было своеобразное табу: то, что собираешься брать, нельзя называть по имени, дабы оно не стало прятаться от тебя. А когда ты обраща-

* Лёлё, Лель (коми-перм.) – улитка, здесь – ласковое обращение.